

Снежная Катерина

Двойная ставка

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Братья Скаловы

Катерина Снежная

Двойная ставка

«Автор»

2026

Снежная К. С.

Двойная ставка / К. С. Снежная — «Автор», 2026 — (Братья Скаловы)

Мне заплатили, чтобы я его уничтожила. Я не планировала в него влюбиться. Алексей Скалов — холодный, расчетливый, опасный. Бизнес-империя, которую он построил с нуля, должна была рухнуть от моих рук. Я — лучшая в своем деле. Я не ошибаюсь. Я не чувствую. Так было до него. Каждая встреча — игра. Каждый взгляд — ложь. Каждое прикосновение — предательство. Но что, если он давно меня раскусил? И что, если эта игра — не моя, а его? От автора: В этой книге вас ждут: Троп «Мистер и миссис Смит» Циничный герой с двойным дном Шпионка, попавшая в собственную ловушку Гарантированный happy end

© Снежная К. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Катерина Снежная

Двойная ставка

Глава 1

Стеклянные стены верхнего этажа офиса компании «Дом» открывали панораму старого Омска: припорошенные первым снегом купола церквей, потемневшие черепичные крыши и плавный изгиб Иртыша. В его ледяных заберегах отражалось низкое, слепящее октябрьское солнце.

Алексей Скалов, опираясь ладонями на холодный металл подоконника, всматривался в пейзаж. Но мысли его витали далеко — там, где чертежи будущего парка развлечений безжалостно пересекали контуры исторических зданий.

— Ты сегодня похож на Терминатора, — раздался за спиной её лёгкий голос.

Снежана, как всегда, подошла абсолютно бесшумно. Маленькая, хрупкая, с кукольными чертами лица, она совершенно не вязалась с должностью главы службы безопасности. Но стоило заглянуть в её холодные зеленые глаза, как любые сомнения отпадали сами собой.

— Решаешь, что снести, а что оставить? — она склонила голову, проследив за его взглядом.

Алексей молча стиснул зубы. Внизу, у подножия их сверкающего небоскрёба, теснились старинные особняки Казачьего форштадта — немые свидетели другой эпохи, чьи темные деревянные крыши резко выделялись на фоне свежего снега. Он почти физически ощущал их вес — тяжелый, давящий груз ответственности.

— Дружелюбие вообще не мой конёк, — сухо отозвался он. — Есть новости?

Снежана усмехнулась и скрестила руки на груди:

— Ты всегда так смотришь. Но сегодня... Сегодня в твоих глазах написано, что ты готов снести здесь всё и выстроить заново.

Тяжело выдохнув, Алексей опустился в кресло во главе стола. Его пальцы на автомате потянулись к лежащей перед ним папке. Большинство людей не умело считывать его эмоции; многие и вовсе считали, что Скалов их лишен. Но Снежана... Снежана всегда видела слишком много.

Он приоткрыл папку, и в воздухе повисло молчание, нарушаемое только сухим шелестом бумаг.

— Так что там? — его голос прозвучал тише, но от этого не менее жёстко.

Снежана наклонилась, опираясь ладонями о край стола.

— Всё по плану. Но есть нюансы...

Алексей поднял глаза, и в них мелькнуло именно то, чего она ждала. Интерес. Вызов. Готовность к бою.

— Что?

Её пальцы слегка постукивали по полированной поверхности столешницы.

— Мои ребята проверили всё по проекту «Русская зима». Никаких следов физического проникновения. Если утечка и была, то исключительно на техническом уровне. Скорее всего, неудачная хакерская атака.

Она сделала паузу, внимательно изучая реакцию шефа.

— Гребенкин, похоже, ни при чём. Но мы всё перепроверим и усилим защиту. Пока формальных оснований для иска нет. Если он сам не полезет на рожон, суда избежим.

Алексей откинулся в кресле, сцепив пальцы в замок.

— Да мне плевать на этого психа, — пробормотал он, но в голосе сквозила не просто досада. Там скрывалось нечто гораздо более глубокое и темное.

Проект «Русская зима» возник в их планах словно снежный вихрь — неожиданно и стремительно. Его автором был Волков, старый архитектор, когда-то строивший вместе с ними будущее этого города. Но стоило эскизам попасть в руки Гребенкина, как тот нагло заявил права на чужую идею.

Доказать реальное авторство труда не составляло: чертежи, черновые записи, свидетели, всё было на их стороне. Но проблема крылась в другом.

Алексей резко встал. Кресло с грохотом откатилось назад. Он подошёл к панорамному окну, за которым раскинулся вечерний Омск, море золотых огней на фоне синевы заката.

— Волкову семьдесят два года, — глухо произнёс он, глядя куда-то за горизонт. — Он строил этот город, когда мы с тобой ещё в песочнице копались. А теперь этот ублюдок... — пальцы Алексея сжались в кулаки.

Снежана молча наблюдала за тем, как напряжение сковало его плечи. Она слишком хорошо его знала: за этим неминуемо последует взрыв.

— Официально мы выиграем суд, это ясно. Но Гребенкин не отступит, — Алексей остро повернулся, его глаза горели холодным бешенством. — Он будет давить на Волкова. Натравит прессу, будет бесконечно тянуть время. Пока старик просто не сломается физически.

Наступила тяжёлая пауза. Где-то далеко за окном пронзительно закричали птицы.

— Так что будем делать? — спросила Снежана, хотя уже знала ответ.

Алексей подошёл к столу, задумчиво выдернул из папки лист с отчетом и яростно скомкал его в кулаке.

— Играем по-другому. Ищите компромат на Гребенкина. Всё, что угодно. Грязное белье, офшоры, любовницы. Мы его уничтожим.

— Леш, он опасен, — Снежана с силой захлопнула злополучную папку на столе. — После того, как семья Волкова официально продала нам права на проект за ту астрономическую сумму, Гребенкин развязал настоящую войну. Мы до сих пор не знаем наверняка, какие именно данные утекли к его «Мостостроителю». И он не остановится.

В её спокойном голосе промелькнула явная тревога. Снежана прекрасно помнила прошлый годний скандал. Тогдашние газетные заголовки буквально кричали о «варварах», готовых ради прибыли пустить под бульдозер последние деревянные дома Новослободского форштадта. Конкуренты с удовольствием называли их компанию «убийцами наследия».

Алексей устало потер виски пальцами:

— Ты всё равно против этого проекта. Вы словно сговорились с Владимиром...

В его голосе сквозило раздражение, но Снежана знала: на самом деле его беспокоит несогласие брата. К мнению Владимира Алексей всегда прислушивался.

— Я понимаю твоего брата, но не тебя, — она покачала головой. — Казачья слобода, исторический квартал... Разрушать всё только потому, что тебе хочется стереть прошлое и выстроить заново... глупо.

Она подошла к окну, за которым мерцали огни города:

— Проект хорош, но мы просчитали далеко не все риски.

Дверь массивного кабинета распахнулась, прерывая их разговор и впуская делегацию. Владимир Скалов вошёл первым — спокойный, уверенный, с едва заметной сетью усталых морщинок в уголках глаз. За ним следовали двое инвесторов в безупречных дорогих костюмах и их юристы с туго набитыми портфелями.

Алексей встретил их стоя, нервно постукивая пальцами по полированной столешнице.

— Если бы я не рисковал, я бы вообще ничего в этой жизни не построил, — глухо проворчал он, окидывая вошедших взглядом, в котором читалось скорее раздражение, чем деловое радушие.

Обмен рукопожатиями прошёл сухо: дежурные кивки, крепко сжатые ладони, ни одного лишнего слова. Когда все расселись вокруг массивного дубового стола, Алексей резким нажатием кнопки на пульте опустил жалюзи и включил проектор.

— Господа, начинаем. Бумаги готовы. Сначала посмотрим проморолик, затем перейдем к подписям. Если, конечно, ни у кого не возникнет... вопросов.

Последнее слово он произнёс с лёгким вызовом, снова обведя присутствующих своим фирменным колючим взглядом. На белом полотне замигал логотип «Русской зимы» — проекта, который должен был навсегда изменить лицо этого города.

Свет в кабинете погас, и на экране ожил город будущего: сверкающие новыми огнями аттракционы, заснеженные аллеи, смеющиеся лица детей. Бодрый голос диктора за кадром вещал о грядущем туристическом буме, тысячах новых рабочих мест и о городе, который наконец-то обретёт свой истинный облик.

Но Алексей не смотрел на экран. Его пальцы сжали дорогую ручку так сильно, что побелели кончики. Перед глазами стояли совсем другие картины — пожелтевшие фотографии из досье Снежаны. Казачья слобода. Тот самый покосившийся дом с облупившейся голубой краской.

«На этом месте больше не будет детских слёз. Только смех».

Эта мысль пронеслась в голове горячей, обжигающей волной. Он сцепил зубы и заставил себя долго выдохнуть.

На экране крупным планом промелькнуло лицо парня — молодого актера из массовой, изображающего счастливого посетителя парка. Открытая улыбка. Всего на пару лет младше Владимира в его студенческие годы.

Желудок Алексея болезненно сжался.

«А если у него уже есть дети? Если он...»

Свет вспыхнул резко, как вспышка. Алексей моргнул, возвращаясь в реальность переговорной.

— Господа? — его голос прозвучал хриплее, чем он ожидал, но инвесторы, перелистывающие глянцевые буклеты, этого не заметили.

— Подобного объекта нет во всей Сибири, — теперь голос Алексея звучал чётко, как удар молотка по наковальне. — Ни на Урале, ни на Дальнем Востоке. Через двенадцать лет ваши инвестиции окупятся вдвойне, а город получит то, чего ему катастрофически не хватало десятилетиями — новый центр притяжения.

Он видел, как инвесторы переглянулись. Решение уже созрело в их глазах — оставалось только поставить подписи.

И тут со своего места поднялся один из директоров городского фонда, сухощавый мужчина в очках с тонкой оправой.

— У вас нет прав на часть участков, обозначенных в презентации, — сухо заметил он. — Особенно на те, что находятся в Казачьей слободе. Они под охраной как культурное наследие. Как вы планируете решать этот вопрос?

Алексей почувствовал, как по позвоночнику скользнул ледяной холодок. Его взгляд автоматически метнулся к Владимиру — младший брат сидел, откинувшись в кресле, сохраняя абсолютную невозмутимость.

«Кто-то слил им информацию. И сделал это в самый последний момент, прямо перед встречей».

Раздражение подкатило комом к горлу. Алексей медленно обвёл взглядом зал, пытаясь уловить хоть тень вины в чужих глазах. Кто из них крот?

— Решать будем так же, как с метрополитеном, — бросил Алексей, печатая каждое слово.

Директор фонда нахмурился, собираясь возразить, но Алексей уже продолжал, не давая ему вставить ни звука:

— Восемьдесят процентов земли уже в наших руках. Выкуп оставшихся у собственников, исключительно вопрос времени. Месяц, максимум два.

Он подался вперед, нависая над столом и подавляя собеседника своей уверенностью.

— Казачья слобода не просто участок. Это будущее города. Да, сети там сгнили, а дома ветхие. Вы же видели отчёты независимых экспертов: их реставрация экономически нецелесообразна.

Его ладонь тяжело легла на стопку документов, словно ставя точку в этом споре.

— Город не откажется от такого вложения.

Молчание длилось несколько секунд. Затем инвесторы один за другим достали дорогие, статусные ручки. Подписи легли на бумагу ровными строчками.

Когда секретарь увела гостей в юридический отдел, в зале остались только братья Скаловы и Снежана. Тишина повисла тяжелой, густой пеленой.

— Так кто же слил информацию? — наконец произнёс Владимир, глядя прямо на брата. Алексей наконец разжал кулаки.

— Это уже не имеет значения, — он поднялся, отчего тень от его фигуры хищно удлинилась по стене. — Важно то, что теперь они знают: мы не остановимся.

Снежана перевела взгляд на Владимира. Младший Скалов сидел, подперев подбородок ладонью; его глаза были скрыты под опущенными веками, пряча эмоции.

— Ты действительно веришь, что снос этих домов избавит тебя от прошлого? — спросила она не уверенно.

Алексей остро обернулся. В его глазах вспыхнуло что-то бурное, почти животное.

— Я верю, что на их месте будет выстроено нечто большее.

За окном тоскливо завыл ветер, швыряя в панорамное стекло горсти мокрого снега. Где-то далеко внизу, поглощенные надвигающейся темнотой, стояли те самые дома — покосившиеся, с облупившейся краской. С историей, которую Алексей так отчаянно пытался похоронить.

Владимир наконец поднял глаза:

— А если Ник появится раньше, чем ты закончишь проект?

По лицу Алексея скользнула мрачная тень.

— Тогда... — он сделал паузу, — ...значит, так было надо.

— Ладно, — Владимир лениво откинулся в кресле, меняя тему. Его взгляд скользнул с папки на Снежану и обратно. — Пять часов, темнеет. Я обещал быть дома вовремя.

Алексей изогнул бровь:

— Кейт ждёт?

В его голосе прозвучала та самая нота, которую Владимир всегда безошибочно узнавал: лёгкая зависть, густо приправленная раздражением.

— Тебя тоже, — брат улыбнулся, невозмутимо поправляя манжет дорогой сорочки и галстук. — Пятница, семейный ужин. Не забыл?

Алексей усмехнулся и отвел взгляд к темнеющему окну:

— Не забыл. Но меня не будет.

Эти пятничные ужины Кейт завела сразу, как только узнала про Елену. «Леночка» так её называли все, кроме самих Кейт и Снежаны. Девушка породистая, ухоженная, с манерами выпускницы Смольного она казалась идеальной партией. Вот только Кейт быстро раскусила: за бархатными перчатками скрывался железный расчет. Леночка уже всю примеряла на себя фамилию «Скалова» и, кажется, даже мысленно подбирала ткань для подвенечного платья.

— Кейт как раз сегодня за ужином собирается рассказать ей о твоих шестерых оболтусах, — невозмутимо сообщил Владимир.

На лице Алексея на миг промелькнула болезненная гримаса, но он быстро вернул себе привычное ледяное спокойствие.

— Я не против.

Владимир рассмеялся дружелюбно, с оттенком той самой фирменной братской издевки, которую они оттачивали годами:

— Представляю, как у Леночки глаза на лоб полезут, когда она узнает, что завидный холостяк — отец шестерых детей. Хочешь, запишу реакцию на видео? Пушу в прямой эфир на YouTube.

— Спасибо, обойдусь, — Алексей иронично склонил голову. — А я тогда сниму, как ты подгузники меняешь. Пусть народ узнает, какие стоны издаёт вице-президент миллиардного холдинга.

— Наверняка сексуальные, — с лёгкой усмешкой бросила Снежана, не отрывая взгляда от документов.

И вдруг её пальцы замерли. Усмешка мгновенно исчезла с лица.

— Кажется, я его нашла.

В её голосе прозвучал тот самый охотничий азарт, который заставил братьев мигом забыть о шутках и податься вперёд.

Снежана развернула к ним папку. В тусклом луче вечернего света блеснула прикрепленная фотография — молодой парень с умными, цепкими глазами.

— Макс Гиванов, — произнесла она, скользя ногтем по строчкам распечатанной биографии. — Уверена, это он. Посмотрите на послужной список: Москва, Сочи, Якутия... И, наконец, Омск.

Владимир прищурился, вглядываясь в снимок:

— Лицо знакомое.

— И мне, — Алексей тоже склонился над столом. Он внимательно изучал черты молодого человека, пытаясь вспомнить, где мог его видеть.

— Ещё бы оно было незнакомым, — Снежана раздраженно щёлкнула ручкой. — Он у нас работает. Два месяца на испытательном сроке.

В кабинете повисла звенящая, напряженная тишина.

Алексей взял распечатку анкеты. Его пальцы едва заметно дрогнули.

— Почему не поступил сразу?

— Деревня. Приемные родители, мать доярка, отец комбайнер. Поступил позже, на бюджет, — Снежана перевела взгляд на приложенную характеристику. — Учится блестяще, идёт на красный диплом.

Владимир усмехнулся, вальяжно откидываясь в кресле:

— А у меня синий.

— Да и тот из техникума, — с лёгкой улыбкой подколола Снежана.

— Туше, — Владимир поднял руки в шутливой капитуляции.

Но Алексей не улыбнулся. Его взгляд намертво прилип к фотографии.

— Ты уверена, что это он?

— Почти, — Снежана аккуратно забрала снимок со стола. — Образцы его ДНК уже в лаборатории. Ждём результатов.

В кабинете стало так тихо, что было слышно гудение ламп.

— И что будем делать? — спросил Владимир, перебирая документы.

Алексей не отрывал взгляда от того места, где только что лежала фотография.

— Дадим ему время привыкнуть. Притянем к себе, поручим работу. Познакомимся поближе. — Его голос чуть дрогнул. — Как показал опыт, такие новости лучше не вываливать сразу.

Он поднял тяжелый взгляд на брата.

— Верно, Вов?

В воздухе повисло невысказанное воспоминание, как сам младший Скалов когда-то встретил известие о том, что Алексей его ищет. Макс, конечно, ничего из прошлого не помнил:

ему был всего год, когда их всех разлучили. Но Владимир помнил. Помнил всё, и потому так долго отказывался от встречи.

Некоторые раны требуют времени. Нужны колоссальные силы, чтобы снова заглянуть в ту бездну прошлого, где ты был маленьким и беспомощным, где от тебя ничего не зависело. Где остались только боль и горький привкус предательства.

Алексей бодро поднялся, застегивая пиджак. Эмоций на сегодня было достаточно.

— Раз уж заговорили о семейном... — Владимир отложил бумаги, провожая брата взглядом. — Может, обсудим Слободу?

Ответом ему стал лишь сухой щелчок закрывшейся двери. Алексей вышел, не проронив ни слова.

Тяжелая тишина вернулась в кабинет. Снежана красноречиво перевела взгляд на Владимира. Где-то далеко внизу, поглощенные темнотой, стояли старые, покосившиеся дома, немые свидетели того детства, которое нельзя было ни забыть, ни вычеркнуть из памяти экскаватором.

— Может, нам стоит просто принять его выбор? — Снежана потерла переносицу. Усталость брала своё. — Если он не может этого простить...

Владимир оттолкнул кресло и шагнул к панорамному окну. Вечерний город раскинулся перед ним — россыпь холодных огней, густые тени, тысячи чужих жизней.

— Нет. — В его коротком ответе звучала убежденность. — Если он снесёт Слободу, это убьёт в нём что-то очень важное. Навсегда.

Он обернулся. Лицо, обычно лениво-насмешливое, превратилось в маску.

— Тормози все процессы по проекту. Снова и снова.

А на другом конце офиса молодой парень по имени Макс даже не подозревал, какую бурю вызвало его появление.

Снежана захлопнула папку с досье.

— Мы играем с огнём, Вов, — одними губами произнесла она. — Алексей не из тех, кто прощает предательство. Когда он узнает, кто вставляет ему палки в колеса...

Владимир смотрел на свое отражение в темном стекле. Оно казалось призрачным — словно еще один неупокоенный дух из прошлого.

— Рисуем, — согласился он. — Но мы должны это сделать. Сравняет Слободу с землей — сожрет себя живьем. Я не дам ему совершить эту ошибку.

Глава 2

Год назад Гребенкин отмечал десятилетие работы в компании «Дом» — стаканом дорогого виски на фоне панорамных окон. Тогда он был уверен: это только начало.

Но всё изменилось в один день.

Соблазн оказался слишком велик — годовая зарплата за единственный тендер. Корпорация даже не почувствует потери, убеждал он себя.

Теперь...

Стул под ним кренился на неровных досках. Гребенкин морщился, вдыхая затхлый воздух подвала. Где-то за стеной утробно булькала канализация, напоминая, что трубы здесь не меняли со времён СССР.

На столе, рядом с дешёвым ноутбуком, замерла тараканья процессия. Насекомые бесстрашно обследовали бумаги, будто понимали в этом сыром царстве они настоящие хозяева.

Он с размаху хлопнул ладонью по столешнице.

— Чёртово гетто!

Его новый офис. Его выбор. Его падение.

Пять этажей чужой обыденности давили сверху, как немой укор. А где-то недалеко, в стеклянной башне, осталась та жизнь, которую он променял на одну роковую ошибку.

Хлипкий скрип китайской двери заставил оторвать взгляд от экрана. В проём, с трудом протискиваясь, выплыл Шаров его свежее испеченный «напарник».

Уволить идиота. Прямо сейчас.

Кровь с силой толкнулась в виски. Гребенкин заставил себя выдохнуть, стирая с лица любые эмоции.

— Ну что скажешь? — голос прозвучал ровно, словно сквозь зубы пропускали пар.

Шаров бессильно пожал плечами, пряча глаза.

— У них все условия. Шансов нет.

— Жадная скотина, — Гребенкин плюхнулся на свое место, и мебель под ним жалобно застонала пружинами.

Шаров прислонился к стене, будто ноги больше не держали.

— Думаю, это финал.

В его голосе звучало то самое — осознание краха.

— Не знаю, почему я тебе поверил, — Шаров поднял глаза, и в них читалось что-то похожее на ненависть. — Нас могут внести в чёрные списки. Уже собирается межведомственная комиссия.

— Слюни подбери! — Гребенкин повторно грохнул ладонью по столешнице, заставив бумаги взметнуться в воздух. Облезлое кресло с визгом откатилось назад. — Скаловы уже насквозь прогнили от денег и власти. Скоро весь город почувствует этот смрад!

Он отвалился на спинку, взъерошив пальцами тёмные, начавшие сесть у висков волосы. Внутри кипела тяжелая, застарелая ярость, густо настоящая на давней мести.

— И тогда... — голос Гребенкина упал почти до шепота, зазвучав от этого только опаснее, — ...тогда всё перевернётся.

Он ткнул рукой в сторону окна, где за грязными стёклами маячило соседнее здание на Щербанева.

— Они больше не будут восседать в своих стеклянных башнях, свысока глядя на этот город. — На его щеке нервно дернулась мышца. — Они будут стоять на паперти, выпрашивая милостыню.

На стене тикали дешёвые пластиковые часы, отмеряя время до неотвратимого, как верил Гребенкин, будущего.

Шаров зажмурился, втягивая носом спёртый воздух.

— Что ты задумал, Гриша?

Гребенкин фыркнул, будто перед ним сидел не соратник, а назойливая муха.

Шаров машинально потянулся к галстуку, ослабляя узел. Стрелки часов показывали полдень, но в горле уже першило от желания залить это всё алкоголем.

— Я десять лет наблюдал их кухню изнутри. — Гребенкин поднялся, заложив руки за спину. — Они прикармливают лучшие проекты, покупают голоса... И всё это под громкие речи о рыночной эффективности.

Он шагнул вперед, и тень от его высокой фигуры наложилась на Шарова.

— Но знаешь, в чём их слабое место? Они всегда предлагают ровно на пару процентов больше конкурентов. — Гребенкин щёлкнул пальцами перед самым носом напарника. — На волосок от края.

На холодной стене капал конденсат, выбивая рваный ритм.

Шаров ошарашенно моргнул:

— Ты хочешь подкопаться под этот «волосок»?

Он освобождался от галстука, наматывая шелковую полосу на кисть. Пальцы двигались машинально, будто затягивая петлю на собственной шее.

— В их безупречной схеме есть изъян. — Голос Гребенкина опустился, но каждое слово падало как булыжник. — Я искал его годами.

За окном взревел грузовик и стёкла в дешёвых рамах задрожали, на потолке заплескали отсветы. На миг Гребенкину показалось, что это снова девяносто восьмой: в гостиной пахнет армянским коньяком и сигаретами, а за дверью кабинета шепчутся люди в кожанках с толстыми конвертами.

— Мне не нужна твоя ненависть.

Шаров разжал пальцы. Шелк соскользнул на грязный бетон, как сброшенное в подворотне тело. Губы Гребенкина растянулись в той самой улыбке, которой он научился у отца между «крышеванием» ларьков и взятками следователям.

— Мне нужны деньги. Чтобы выбраться.

Он знал эту мелодию. Двадцать лет назад её напевали бандиты, в нулевых — чиновники. Теперь вот Шаров. Только костюмы стали дороже. А выстрелы глуше.

— Мне надоело пустое зубоскальство. — Напарник одернул лацканы пиджака. — Если конкретики нет, я в баре. Там хоть лёд тает честно.

Дверь с облупившейся краской поддалась с натужным скрипом, впуская шум улицы гул моторов, обрывок смеха. Чужую жизнь, текущую мимо этой затхлой коробки. Гребенкин не двинулся с места, не сделал ни малейшей попытки удержать уходящего. Лишь провёл языком по зубам, пробуя на вкус собственную иронию, и метнул фразу в спину:

— Слышал об экономических убийцах?

Тишина. Не та, что повисает перед скандалом, а густая, непроницаемая, как нефть в колбе. Шаров замер. Ткань дорогого пиджака натянулась на лопатках. Пальцы стиснули дверную ручку с такой силой, что скрипнула старая латунь.

— Независимые эксперты...

Он обернулся, будто преодолевая физическое сопротивление воздуха. Во взгляде читался не страх, а голый расчёт. Тот самый, усвоенный еще в юности: если противник знает твой следующий шаг, партия проиграна.

— ...которые умножают на ноль любые инвестиционные проекты. Даже самые... перспективные.

Подвал наполнил рокочущий звук не то хриплый кашель, не то рычание загнанного зверя. Гребенкин обнажил прокуренные зубы. На секунду его лицо исказило что-то первобытное. Словно под брендовой тканью скрывалась шкура, исполосованная шрамами старых боёв.

Шаров попытался изобразить усмешку, но мышцы щеки предательски дрогнули, выдав нервный тик. Он отпустил металлическую ручку и сделал неуверенный шаг обратно в комнату.

— Давно ты это затеял?

— Достаточно.

Гребенкин отвалился на спинку с театральной небрежностью, сцепив руки на животе. Поза триумфатора, наблюдающего за бьющейся в сетях добычей.

Голос Шарова сорвался на сип:

— Я думал, мы принимаем решения вместе. С каких пор...

Облезлый стул с грохотом отлетел к стене. Гребенкин вскочил, мгновенно стирая любую видимость спокойствия. Лицо пошло красными пятнами, сухожилия на шее натянулись как тросы.

Он ударил кулаком по столу в третий раз... гулкий удар, как выстрел. Компьютерная мышь подпрыгнула и замерла на краю стола. Его голос, хриплый от ярости, разорвал сырой воздух кабинета:

— Вместе? А кто развёл сопли, как последняя баба? Завопил о «противозаконности»? Ну давай, Шаров, разверзни хлебало может, твоё красноречие меня хоть немного развлечёт.

Шаров дёрнулся, будто его потянули за невидимую леску. В горле пересохло, губы мгновенно слиплись. Он провёл по ним языком, ощущая металлический привкус страха.

— Не скажу, — выдохнул он, опустил голову, но не в покорности, а как бык перед финальным рывком. Каждое слово звучало пустынно и отчётливо: — Мне вообще всё равно.

Гребенкин выпустил воздух со свистом, точно спускал пар из перегретого котла.

— Тебе жопу спасти, — прошипел он, и его глаза сузились до щёлочек. — А мне... мне нужно сгноить этих ненасытных ублюдков. Никто не топтал Гришу и не растопчет. Запомни это.

Шаров поднял взгляд:

— Так что? Он в деле?

— Она, — поправил Гребенкин, и на его щеке заплесала нервная судорога.

— Она?

Короткий кивок.

— И она не убийца. Всего лишь помощница. — Гребенкин развел руками в притворной жалости. — Бюджет, понимаешь ли, ограничен. Её зовут Забава Вяткина.

Шаров моргнул, пытаясь уцепиться за знакомое имя:

— Вяткины? Те самые архитекторы?

— Ну да, те самые. Дедка их еще в советские годы по партийной линии продвинули, семейство в Москву перебралось — вот и вылезли в элиту. Девка МАРХИ окончила, два года в Африке на миссии ООН какую-то хрень строила. Гонор выше крыши.

— И что, у неё это в резюме указано? «Готова топить конкурентов»?

Гребенкин фыркнул, его лицо скривилось в брезгливой гримасе:

— Ты совсем обалдел от страха? Конечно, нет! Официально она чиста, как первый снег.

Шаров замер. Было видно, как в его голове со скрипом проворачиваются шестерёнки, складывая паззл. Неожиданно его лицо посветлело, он воодушевленно поправил галстук:

— Я хочу её увидеть. Сколько ты ей пообещал?

На лице Гребенкина отразилось циничное пренебрежение. Он посмотрел на часы:

— Вечером в «Олдмане».

Шаров сглотнул. Внезапно паб на Гагарина показался ему не местом встречи, а ареной, где ему предстояло выйти против гладиатора. На ходу он сунул руку в карман пиджака, там оди-

ноко покоилась упаковка жевательной резинки, жалкая попытка скрыть подступающий перегар. За окном на темнеющий Омск стремительно опускалась вечерняя метель.

Глава 3

Паб встретил её гулом голосов, запахом хорошего парфюма и солода. Внутри царил уютный полумрак: кирпичные стены, массивные дубовые столы и рассеянный свет низко свисающих ламп. Забава выбрала угловой столик, где тени были гуще. На ней были строгие синие брюки и чёрная водолазка, плотно облегающая шею, а в рыжих волосах тускло поблёскивали золотые серьги.

— Бокал красного сухого, — негромко бросила она подошедшему официанту.

Тот кивнул, на секунду задержав взгляд на её точёном лице, и поспешил к барной стойке.

Внешне она выглядела абсолютно расслабленной, но её глаза цепко сканировали зал: полупустая стойка, пара уставших менеджеров у окна, тяжёлая входная дверь, от которой при каждом открытии тянуло сибирским холодом.

В кармане ощутимо звякнула вибрация. Короткое сообщение: *«Мы у дверей»*.

Забава заблокировала экран. Её поза изменилась едва заметно — расправились плечи, пальцы легли на край стола. Вся фигура подобралась, готовая к действию.

Тяжёлая входная дверь распахнулась, впуская внутрь двух мужчин. Их дорогие, явно сшитые на заказ пальто и идеально завязанные галстуки мгновенно выдавали в них чужаков в этом демократичном пабе, как людей, привыкших к большим деньгам и власти. Шаров шёл чуть впереди, его лицо казалось утомлённым, а взгляд настороженным. Гребенкин следовал за ним, удерживая на губах вежливую, но абсолютно пустую улыбку.

Они целенаправленно направились к её столику.

— Григорий Гребенкин. А это Александр Шаров, мой партнёр, — представился Гребенкин. Голос прозвучал сухо, с едва уловимой хрипотцой.

Шаров молча кивнул, протягивая руку. Его рукопожатие оказалось коротким и крепким. Гребенкин же протянул ладонь с театральным изяществом, его пальцы оказались холодными и неприятно влажными. Забава ответила уверенным, чисто деловым жестом, но внутри появилось стойкое желание немедленно вымыть руки.

Мужчины сели напротив, синхронно расстёгивая пуговицы пиджаков. Подошедшему официанту они заказали виски: Гребенкин — односолодовый, Шаров — бурбон безо льда. Наступало время для главного разговора.

Барная подсветка мерцала, рассекая стол полосатыми тенями, похожими на решётку. Забава почувствовала, как по шее под высоким воротником водолазки скользнула холодная капля пота.

Гребенкин сидел напротив, в тени, его ладони неподвижно лежали на столешнице. Шаров, напротив, откинулся на спинку дивана, разглядывая её с любопытством энтомолога перед редким экземпляром.

— Полагаю, нам следует обсудить ряд деликатных вопросов. — Голос звучал ровно, но Забава невольно поправила на коленях сумку, вцепившись пальцами в твердую кожу.

Шаров усмехнулся. Взял со стола массивную зажигалку и начал щелкать колесиком, не высекая огня. Щелк. Щелк. Щелк.

— А давайте вы сначала немного расскажете о себе.

Забава почувствовала, как по щекам разливается предательский жар. Этого не было в сценарии. Тимур говорил только о проекте, о цифрах. Зачем им её биография?

— Диплом архитектора. Два года службы в Корпусе мира. Стажировка в мастерской Долтовского, — она отчеканила это, как на экзамене, глядя поверх голов собеседников.

Гребенкин быстро опустил бокал на стол, лёд звонко брякнул о стело. Его колючий взгляд метнулся от Забавы к Шарову.

— Александр, это не собеседование.

Но Шаров лишь усмехнулся, остановив его властным жестом. Его глаза не отпускали девушку, цепко, будто он пытался прочесть что-то между строк её отполированных ответов.

— Африка, говорите? Любопытно. Какая именно страна?

Под столом колени Забавы непроизвольно сдвинулись. В горле мгновенно пересохло. Она сделала слишком большой глоток вина, и алая капля поползла по подбородку. Вытерла её тыльной стороной ладони с раздражающей, слишком резкой отточенностью.

— Мали. Но это не имеет...

— Владеете французским? — перебил Шаров, подаваясь вперед. Его интерес стал почти осязаемым, навязчивым. — А берберскими диалектами?

Внезапно Гребенкин отодвинул стул. Звук ножек, проскрежетавших по полу, заставил вздрогнуть. В баре на секунду стихли разговоры.

— Хватит! — Голос Гребенкина прозвучал как сухой щелчок замка на сейфе. — Мы здесь не для обсуждения языковых навыков.

Тишина за столом стала густой, как дым после выстрела. Забава опустила бокал, оставив на стекле яркий отпечаток помады — алый, как предупреждение. Её брови вопросительно изогнулись, когда она перевела взгляд с удаляющейся спины Шарова на Гребенкина.

— К чему эти вопросы? — голос Забавы звучал уже иначе четко, без тени бывшего смущения. Ногти с матовым покрытием отбили по столешнице сухой ритм. — Прежде чем я решу, стоит ли нам работать вместе, вам придётся ответить на мои.

Шаров замер с приоткрытым ртом, как пойманный на вранье подросток. Пальцы дернулись к воротнику, поправили идеальный узел галстука. Жест, намертво выдававший его замешательство.

— Прошу прощения... мне нужно сделать звонок.

Он удалился так поспешно, что это выглядело бегством. В воздухе остался шлейф дорогого одеколона и ворох нерешенных вопросов.

Гребенкин провел рукой по подбородку, по колкой суточной щетине. Его взгляд на Забаву изменился. В нем проступило нечто похожее на уважение, густо смешанное с опаской.

— Простите моего партнёра. Тяжёлый день.

Она покачивала бокал, наблюдая, как вино рисует багровые дорожки на хрустале. Гребенкин сидел напротив. Большим пальцем он медленно потирал костяшку указательного, словно взвешивая каждое её слово, каждый жест. В баре играл джаз, но между ними висела тишина, плотная, как смог.

— Конечно. — Голос прозвучал слишком мягко для того, что творилось у неё внутри.

Перед глазами всплыли документы, которые она изучала всю ночь: сотые доли процента, изменённые в расчётах нагрузок. Микроскопические цифры, способные обрушить мост или превратить вентиляционную шахту в смертельную ловушку. И всё это почерк человека напротив, его холодный, выверенный саботаж.

Шаров, несмотря на свою неуместную болтовню, хотя бы казался... человеческим. Гребенкин же напоминал хищника, затаившегося в камышах. Его взгляд скользил по её лицу, шее, рукам и оценивал, взвешивал, словно пытался определить степень её опасности.

— Вам холодно? — спросил он, заметив, как она невольно провела ладонью по предплечью.

Она промолчала. Гребенкин подался вперёд, в глазах вспыхнул холодный огонь не праведного гнева, а задетого самолюбия.

— Я автор этого проекта. Каждая балка, каждый расчёт... — его пальцы смяли бумажную салфетку в тугий, мятый комок, — ...выходили отсюда. — Он ткнул себя кулаком в грудь, но жест получился театральным, как у плохого актёра в дешёвом спектакле.

Забава уловила запах его одеколона: дорогая композиция с нотами дубового мха, под которой пробивался едкий, кислый запах пота.

— Почему вы передали права на проект компании?

Он отшатнулся, словно от невидимого толчка. Рука потянулась к бокалу, но замерла на полпути, пальцы дрожали.

— Трудовой договор. Я не проверял... — его губы скривились в подобии улыбки, обнажив зубы, — ...мелкий шрифт.

Когда он произнес «мелкий шрифт», его глаза на мгновение потускнели, словно он говорил не о юридическом термине, а о приговоре.

Гребенкин выдохнул долго, шумно. В воздухе запахло виски и чем-то металлическим, будто он только что разгрыз монету. Он разжал ладонь, и скомканная салфетка упала на стол, как белый флаг, но во взгляде не было и намека на капитуляцию.

— Вы осознаёте, что внести изменения в готовый проект не просто, даже зная, где именно нужно исправить?

Он не ответил. Вместо этого достал из внутреннего кармана пиджака серебряный портсигар и щелчком открыл его. Внутри лежали сигареты «Петр I» — те самые, что курил её отец в девяностые. Дыхание Забавы застряло в горле.

— Конечно, мне это известно, — он прикурил, выпустил кольцо дыма и проследил, как оно расплывается над её головой. — На кону моя репутация. Вам нужно будет изменить лишь одну... крошечную цифру. И всё.

Глава 4

Палец с тлеющей сигаретой очертил в воздухе маленький круг, точку в бесконечном уравнении, способную превратить здание в могильник.

Забава вдруг осознала: он не просто мстит. Он играет в бога с десятичными дробями.

Гребенкин замер. Пальцы сжали сигарету с такой силой, что табак просыпался на стол, как пепел прошлых ошибок. В его взгляде промелькнуло что-то настоящее: не холодный расчет, а отчаянная, почти детская вера в то, что все ещё можно спасти.

— Полгода назад мы основали бюро. Если сейчас грянет скандал... — его голос сорвался, будто зацепился за что-то внутри, — ...мне предложат разве что подносить линейки помощникам. Вы же знаете, как устроен этот мир. Ваш отец...

Он не договорил, но Забава почувствовала, как свело скулы. Она знала. Помнила, как отец сжигал чертежи после того провального моста в Нижнем. Помнила запах горячей кальки.

— В «Доме» нет вакансий для специалистов, — её голос прозвучал, как удар рейсиной по чертёжной доске.

Молчание. Затем Гребенкин достал ручку Montblanc дорогую, но потёртую, будто её часто крутили в пальцах в моменты тяжёлых решений. На салфетке, ещё влажной от конденсата, он вывел номер телефона:

— Галина Николаевна Заврак. Позвоните ей. Уверен, она вам поможет.

Салфетка с номером лежала между ними. Забава не прикоснулась.. Лишь передвинула свой бокал, накрыв им исписанный клочок бумаги.

Гребенкин наблюдал за этим жестом. Уголок его рта дернулся в подобии улыбки.

— Мне недостаточно ваших слов, Григорий Николаевич. — Она намеренно использовала отчество, выстраивая дистанцию. — Если я соглашусь, мне придётся копать глубже. Это будет частный заказ.

Она ждала, что он взорвётся. Вскочит, опрокидывая мебель, как бывает с его типажом. Но вместо этого его лицо вдруг смягчилось, обмякло. Он положил ладони на стол, раскрытыми вверх. Жест полной капитуляции.

— Забава... — тон стал тёплым, вкрадчивым. — Я сделал вашему боссу предложение, от которого не отказываются. — Пауза. — Что вы знаете об исторической родине?

Вопрос повис в воздухе, абсурдный и тревожный. Где-то за барной стойкой звонко разбился бокал. Холод скользнул по позвоночнику Забавы.

Гребенкин оживился. Его пальцы отбивали по столу нервную, рваную дробь. Зрачки расширились, поглощая тусклый свет.

— Только представьте! — он зашептал, и этот шепот царапал воздух. — Это же не просто здание. Арки, повторяющие своды XII века, кладка по старинным технологиям... А под фундаментом — культурный слой с бесценными артефактами. И если расчёты подведут...

Он замолчал, давая ей самой дорисовать картину: трещины в стенах, обрушение, газетные заголовки о «варварстве современных застройщиков». Рука Гребенкина дрогнула, когда он подносил бокал к губам. Виски плеснуло на стол, оставив темное янтарное пятно.

Забава наблюдала за этой дрожью, не двигаясь.

— Почему вы не можете сказать прямо?

Он замер. Потом из груди вырвался короткий, лающий смешок. Театральность слетела с него, как позолота. Его лицо исказилось. Он говорил быстро, сбиваясь, словно боялся, что его прервут.

— Аукцион... финал тендера... — он выдохнул, будто выплескивая яд. — Я думал, смогу войти в проект как подрядчик, исправить всё тихо. Но они отрезали мне все пути. Официальные письма, суды... — его голос превратился в хрип. — Они просто отмахнулись.

Забава заметила, как его рука непроизвольно скользнула к внутреннему карману пиджака, откуда он достал ручку с номером. Возможно, там были документы. Или что-то ещё.

— Проект прошёл государственную экспертизу?

Он рассмеялся.

— О, конечно! Бюрократы поставили печать, даже не взглянув на расчёты. — Его костяшки побелели, впиваясь в край стола. — Но вы же понимаете... Это Омск. Каждый второй дом здесь памятник, культурное наследие. У этого города непростая судьба. Сколько улиц переименовали, сколько церквей снесли, сколько настоящих памятных мест просто утратили! Я не хочу войти в историю как человек, чья ошибка погубит последние остатки былого. Казачий форштадт, Новослободский всё это исчезало, когда строили метромост. Старинные дома сносили, как будто это мусор.

Потрескавшаяся неоновая лампа в баре мигнула. Сомнение скользнуло по лицу Забавы, разделив его надвое: одну половину залил холодный синий свет, другую поглотила тьма. В пальцах она перекачивала салфетку, которая теперь казалась ей векселем, подписанным кровью.

— Хорошо.

Слово повисло в воздухе, смешиваясь с дымом от сигареты Гребенкина.

Где-то за спиной у бармена звякнули бокалы. Звук почему-то напомнил ей детство, отцовские чертежные инструменты, рассыпавшиеся на каменный пол мастерской. Та же металлическая музыка рокового решения.

— Что-то не так? — Гребенкин подался вперёд, и его лицо оказалось в полосе света: прокуренные зубы, сеть морщин у глаз, похожих на трещины в старом фарфоре.

Она сжала салфетку. Бумага мялась как звук осенних листьев под ногами в том самом Казачьем форштадте, о котором он говорил. Человек напротив был убеждён в своей правоте. Она не давала никаких обещаний, но могла бы принять предложение, проверить информацию об авторстве и изучить расчёты. Это займёт месяц-другой, но у неё есть Тимур с его ресурсами.

С другой стороны, это не фокус с кроликом из цилиндра. Устроиться в компанию, получить доступ к проекту, найти ошибку, внести изменения... Слишком сложно. Не так легко, как звучит на словах. Но сумма, которую озвучил брат, поможет покрыть долги и обеспечить мать. Год, может, два, а там они что-нибудь придумают.

Гребенкин замер. Его рука застыла в полуметре от пепельницы, и сигаретный пепел осыпался на стол, как серая перхоть. Взгляд его стал острым, цепким: хищник, учувявший слабинку в стаде.

— Хотелось бы, чтобы всё было верно...

Он изучал её, выдыхая дым через ноздри и создавая между ними полупрозрачную завесу. Голос его стал мягким, обволакивающим.

— Забава... — пауза. — ...а разве бывает иначе в нашей профессии? Мы же не дети, строящие замки из песка. Каждая линия это судьбы. Каждая цифра чья-то жизнь.

Его рука вдруг накрыла её ладонь с салфеткой, горячая, сухая с желтыми никотиновыми пятнами на указательном пальце. Забава ощутила, как по коже шеи пробежал холод.

Он откинулся на спинку дивана, и его палец начал отбивать по краю бокала тонкий, размеренный ритм. Тик-так. Тик-так. В глазах появился азартный огонек, смешанный с бесстыдным лукавством.

— Вы... — он сделал паузу, облизнув пересохшие губы, — ...как тот самый архитектурный стиль, который нельзя отнести ни к классике, ни к авангарду. Своенравный. Неудобный. Захватывающий.

Его взгляд скользнул по её водолазке, будто пытаясь разглядеть очертания татуировки, которую, он был уверен, она где-то прячет. Забава почувствовала, как под высоким воротником снова выступила испарина.

— Я представлял себе даму в строгом костюме с портфелем расчётов. А вы... — он жестом очертил в воздухе её силуэт, — ...вы больше похожи на ту самую ошибку в расчётах, которая и делает здание по-настоящему интересным.

В баре вдруг громко заиграли The Rolling Stones "Sympathy for the Devil". Ирония не ускользнула от неё.

— Мило. — Ноготь с матовым покрытием прочертил по столу четкую линию между ними.

Она усмехнулась и сделала глоток вина. Он продолжил:

— Это к лучшему. Плохая девушка быстрее добьётся результатов, чем завоевательница. Льстивая борзая лучше рычащей. На войне и в битвах они хороши, а в интригах и хитростях нужны тонкие соблазнительницы. А вы красавица.

Гребенкин наблюдал, как её пальцы обхватили ножку бокала. Вино внутри колыхнулось, отражая блики барных диодов. Он уловил этот миг колебания, как опытный картёжник замечает дрожь в руках соперника перед ставкой.

— Плохие девочки, — прошептал он, растягивая слова, — всегда получают то, что хотят. Потому что хорошие... — он наклонился ближе, и запах его одеколона смешался с терпким ароматом, — ...слишком заняты тем, чтобы не запачкать белое платье.

Забава почувствовала, как по позвоночнику пробежала волна раздражения. Он бил точно в цель: ей действительно нравилось пачкать платья. И не только их.

— Если оснований не найдётся, никаких изменений я вносить не стану. — Голос звучал твердо, но в уголке рта дрогнула та самая улыбка, которую она всегда прятала на деловых собраниях.

Он откинулся назад, удовлетворённо щёлкнув языком. Понял главное: она уже мысленно заключила эту сделку. И не только её.

— Они у вас будут, — твердо пообещал он.

Гребенкин поднялся. Он подошёл к Забаве и взял её пальто с таким видом, будто надевает на королеву мантию. Пальцы намеренно задержались на кашемире дольше необходимого.

— Деловой ужин? — его голос звучал как шёпот заговорщика. — Я знаю место... уютное. Там официанты не запоминают лиц.

Дыхание Гребенкина коснулось её шеи тёплое, с примесью виски и мятной жвачки, призванной скрыть алкоголь. Она не отстранилась. Но и не приблизилась.

— Только если счёт будет раздельным. — Её губы растянулись в улыбке, лишённой всякого тепла. — И в общественном месте.

Он замер, а потом рассмеялся слишком громко, неестественно. Звук напомнил ей хруст льда под ногами в тот день, когда она в двенадцать лет провалилась под лёд на Невы. Та же паника под маской бравады.

— Как скажете.

В дверях показался Шаров с сотовым в руках. Он извинился за долгое отсутствие. Когда девушка покинула бар, он кинул взгляд на партнёра.

— Обманчивая внешность. Как прошло?

Гребенкин довольно цокнул языком, провожая её взглядом.

— Редкая сука в обличье овечки. Знаешь, сколько таких у меня было?

— Когда она на меня взвилась, у меня колом встал. Прожигала взглядом. Вылитая ведьма! С такими-то глазами. Рыжая. Всё думаешь, какая она внизу?

— Самые п@зд@тые — самые действенные. — Он размял суставы на руках. — Эту хоть святой водой кропи...

Они вышли на улицу. Гребенкин скрипнул зубами. Грозно посмотрел на краешек здания на Щербанева, видимый из этой точки города. Туда, где располагались окна президентского кабинета компании «Дом».

— Осталось подождать. Даст Бог, не пройдёт и двух лет, и это сраньё перестанет существовать.

Глава 5

Дождь струился по витринам, превращая отражение Забавы в размытый акварельный силуэт. Кашемировое пальто впитывало влагу, тяжелея, как доспехи перед битвой. За спиной проехала машина и на мгновение её видение вытянулась вперёд, словно пыталась уйти без неё.

«Два лица. Два тела».

Она вспомнила, как отец, вернувшись с рокового собрания по обрушившемуся мосту, молча сжёг все чертежи в камине. Не было ни проклятий, ни оправданий, только запах горелой бумаги и его сгорбленная у огня спина.

В кармане пальто флешка Гребенкина ощущалась инородным, тяжелым предметом. Забава резко свернула в подворотню, прижимаясь спиной к мокрой кирпичной стене. Дождь сюда не доставал. Тишина тоже.

— Тимур... — прошептала она в пустоту, представляя довольную ухмылку брата. — Чёрт.

Затем она спустилась к набережной Омки и направилась к туннелю под Юбилейным мостом. Там, на другой стороне, виднелось здание из жёлтого кирпича — офис компании «Дом». Забава остановилась у самого выезда из туннеля, глядя на цель. И не заметила вылетающий из темноты автомобиль.

Пронзительный визг тормозов оглушил. Капот «Ауди» замер в сантиметрах от её бедер.

Оглушающий звон в ушах. Едкий запах раскалённых колодок. Ледяная грязь, пропитавшая пальто. Мир на мгновение превратился в хаос звуков и ощущений. Забава лежала на мокром асфальте, глядя в серое небо, где дождь смешивался с выхлопными газами.

— Вы целы?!

Мужчина в дорогом кожаной куртке склонился над ней. Его лицо мелькало перед глазами, как плохо настроенное изображение. Руки дрожали, когда он попытался помочь ей подняться. Пальцы оставили грязные отпечатки на белом кашемире.

Где-то вдали завывала сирена. Забава машинально потянулась к карману пальто: флешка на месте. Эта мысль почему-то успокоила её больше, чем должна была.

— Я... — голос сорвался на хрип.

Лужа под ней расплзлась, превращая белоснежный кашемир в грязно-серую тряпку. Мужчина, всё ещё бледный от испуга, протянул руку. Забава отшатнулась, её ладонь шлёпнула по мокрому асфальту, поднимая веер брызг.

— Из пены морской, — просипела она. В голосе уже пробивалась знакомая ядовитая жилка. — Видите ли, волны сегодня особенно беспокойны.

Она попыталась подняться самостоятельно, но тут же вскрикнула, левая нога отозвалась пронзительной болью. Каблук туфли сломался, изогнувшись под неестественным углом. Словно подражая её сегодняшним решениям.

Мужчина усмехнулся и, аккуратно подхватив её под локоть, помог встать.

— Как ваше имя? — спросил он, разглядывая растрепанную, перемазанную в слякоти девушку. — До машины дойти сможете?

Забавы устали на него. Высокий блондин с голубыми глазами, одетый в дорогие джинсы и кожаную куртку, настойчиво обхватил её за талию и повел к автомобилю. Его руки оказались тёплыми даже сквозь промокшую ткань — слишком тёплыми, слишком уверенными.

— Зачем?

Попыталась вырваться, но нога снова подвела, и она невольно вцепилась в его плечо, оставляя грязный отпечаток на дорогой коже.

— Зачем? — её голос прозвучал вызывающе, но незнакомец лишь улыбнулся, будто не замечая её тона. — Потому что я только что чуть не переехал вас, а вы похожи на потрёпанного ангела после битвы с Люцифером. Думаю, вас стоит показать врачу. Здесь недалеко есть травмпункт.

— Я вроде бы целая. — По её ощущениям, всё было в порядке. Скорее дольше будет болеть вывихнутая ступня, чем ушибленное бедро.

— Удар был не сильным. Я сама виновата, не смотрела по сторонам, — добавила она, уже спокойнее.

Мужчина улыбнулся и открыл заднюю дверь «Ауди».

— Вы попали в ДТП, и я настаиваю на осмотре врачом.

Улыбка не сходила с его лица, но взгляд стал прямым, не допускающим возражений. Забава почувствовала, как мышцы на спине напряглись: этот человек привык, чтобы его слушались.

— Настаиваю, — повторил он. В его голосе прозвучал оттенок, знакомый ей по интонациям Тимура в те редкие моменты, когда тот переставал шутить. — Хотя бы для моего спокойствия.

Она замерла, изучая незнакомца. Настаивает?

Он протянул руку, чтобы помочь ей сесть, но она отпрянула, ударившись спиной о дверной угол. Боль пронзила поясницу, но Забава даже не поморщилась. В кармане флешка Гребенкина вдруг показалась ей раскалённой.

— Ваше спокойствие меня не волнует. Я сказала, что всё в порядке.

Мужчина опустил руку. Его взгляд скользнул по её сломанному каблуку, грязному пальто, дрожащим пальцам и вдруг стал каким-то... понимающим. Словно он видел не просто попавшую в аварию девушку. Он придерживал дверь, мягко, но настойчиво блокируя ей путь к отступлению. Весьма привлекателен. И довольно настойчив.

— Надеюсь, вам есть восемнадцать? Может, нужно позвонить родителям? — в его голосе прозвучала искренняя тревога.

Вопрос выбил её из колеи. На лице, руках и пальто столько грязи, что сложно разглядеть, сколько ей лет. Её бабушка всегда утверждала, что грязевые маски творят чудеса. Теперь Забава заподозрила, что та имела в виду полную маскировку возраста. Жаль, что при этом страдает функция обольщения.

Девушка бросила взгляд в салон, заметила детское автокресло и мысленно выдохнула. Скорее всего, он не маньяк, который сбивает жертв, чтобы отвезти в лес и добить.

— Я совершеннолетняя, — сообщила она, понимая, что всё ещё стоит у открытой двери машины.

— Ну, слава богу. Я уж подумал, придётся объясняться с родителями.

Забава стянула с себя тяжелое пальто и, опираясь на его руки, села в машину. Каждое движение отзывалось ноющей болью в бедре. Незнакомец помог ей пристегнуться.

— Раз такой день, стоит подстраховаться, — пошутил он, разглядывая её с нескрываемым интересом. — Так у вас есть имя?

— Забава, — смущенно ответила она.

— Алексей, — представился он.

Детское кресло с потрёпанными наклейками из мультфильма слегка качнулось, когда Алексей выруливал на главную дорогу. Запах кофе смешивался с ароматом соснового освежителя, выдавая странно уютное сочетание для человека, который минуту назад чуть не сбил её.

— Забава... — он растянул имя, будто пробуя на вкус. — Родители с чувством юмора?

Она почувствовала, как к щекам приливает жар и к счастью, грязь и бледность от стресса это скрывали. Его профиль в тусклом свете приборной панели казался смутно знакомым, будто она видела его где-то раньше...

— Скорее с чувством трагедии, — буркнула она, отряхивая грязь с рукава. — Вы часто подбираете девушек на дороге?

Алексей рассмеялся, смех у него был тёплым, неожиданно домашним. Он одной рукой крутил руль, другой достал пачку салфеток из бардачка.

— Только тех, кто появляется из морской пены.

Его пальцы отбивали по рулю ровный ритм в такт джазу, льющемуся из динамиков. Уверенные движения человека, привыкшего контролировать каждый аспект своей жизни. Забава поймала себя на том, что слишком пристально разглядывает его руки, и быстренько отвела взгляд в окно.

— Запоминаете меня, чтобы подать в суд? — голос Алексея звучал легко, но в уголке его глаза промелькнуло колебание.

Забава увидела своё отражение в боковом зеркале: растрёпанная, в грязи, с тушью, размазанной под глазами, как у футбольного фаната.

— Если бы я подавала в суд на каждого, кто меня чуть не сбил... — она намеренно оставила фразу незаконченной, проводя пальцем по кожаному подлокотнику. Идеально чисто. — У вас очень... стерильная машина.

Алексей улыбнулся, но не ответил. Его взгляд скользнул по детскому креслу, затем по её ногам, сломанный каблук теперь болтался, как крыло раненой птицы.

— Я люблю порядок.

— Правда? — Забава невольно покраснела, удивляясь собственной реакции. Мужчина был не просто красив, а немыслимо симпатичен.

— Нет, думаю, мне и в самом деле впору переживать, а не подадите ли вы на меня в суд, — он усмехнулся одними глазами и снова перевёл взгляд на дорогу. — Может, перейдём на «ты»?

В ответ на благодарность Забава пробормотала что-то, что, как ей казалось, лишь подчеркивало её неумение вести кокетливые диалоги. Они подъехали к городской поликлинике, над входом в которую красовалась каменная вывеска «Саламандра». Алексей помог девушке выйти из машины и, придерживая её за талию, поднялся по ступенькам.

Поликлиника встретила их запахом антисептика и старой мебели. Алексей уверенно вел её через коридоры. Его рука на её талии была одновременно и опорой, и чем-то большим. Забава чувствовала, как её пульс учащается не от боли, а от его близости.

Они стояли у регистратуры. Его прямая осанка и спокойный голос мгновенно привлекли внимание медперсонала. Он не повышал тона, но каждое его слово звучало так, будто ожидалось беспрекословное подчинение. Забава наблюдала, как медсестры оживились под его взглядом, одна даже поправила причёску, принимая у него бумаги.

— У вас есть документы? — спросила медсестра уже у неё, но её взгляд всё ещё блуждал где-то за спиной Алексея.

Забава молча протянула паспорт, чувствуя странный, незнакомый укол ревности. Алексей тем временем уже раздобыл где-то стакан воды и влажную салфетку. Он подал их ей с легкой улыбкой, и его пальцы на мгновение задержались на её ладони дольше необходимого.

— Иди, я подожду за дверью, — его голос был твердым, но в уголках глаз собрались морщинки. Когда возмущенный ропот очереди усилился, он обернулся и бросил в толпу такой взгляд, от которого все мгновенно притихли.

Глава 6

Тёплая вода и возможность смыть с лица дорожную грязь вернули Забаве ощущение контроля. Медсестра быстро обработала ссадины на ладонях и наложила на щиколотку фиксирующую повязку, густо пахнущую ментолом.

— Ни переломов, ни вывихов, — подвела итог врач, заполняя бланк осмотра. — Сильный ушиб мягких тканей. Купите в аптеке любую противовоспалительную мазь, дня три не вставайте на каблуки, и через неделю будете как новая.

Забава забрала справку. У самого выхода из крыла травматологии, перед небольшим настенным зеркалом, она остановилась. Перевязала волосы, собрав их в высокий, гладкий хвост, стёрла влажной салфеткой остатки размазанной туши и обновила помаду. Из зеркала на неё снова взглянула уверенная в себе женщина.

Она прекрасно знала свои сильные стороны: контраст изумрудных глаз и медных волос на фоне бледной кожи, безупречную осанку. Ирония судьбы: мужчина, который заставил её сердце биться чаще, впервые увидел её в самом жалком и неприглядном виде. Тем интереснее будет реванш.

Она толкнула пластиковую дверь и вышла в коридор приёмного покоя. Алексей стоял у высокого окна, за которым кружила ранняя омская метель, и отрешённо смотрел на припаркованные скорые. Забава не стала окликать его. Она просто сделала шаг вперёд и замерла в нескольких метрах, дожидаясь, пока он почувствует её присутствие.

Алексей обернулся. Его взгляд, только что холодный и деловой, на секунду споткнулся.

Он не шевелился, но Забава физически ощутила, как изменилось его внимание. Он заинтересованно скользнул глазами по её лицу, оценивая чёткие линии скул, потемневшие от затаённого смеха глаза и лёгкую, едва уловимую улыбку. Затем его взгляд опустился ниже к открытой шее, тонким запястьям, на одном из которых белел небольшой пластырь, и плавным изгибам фигуры, которую больше не скрывало грязное пальто.

В его глазах мелькнуло что-то, от чего у неё снова участился пульс.

— Ну вот, — он оттолкнулся от стены, убирая телефон в карман. — Теперь ты выглядишь так, будто действительно вышла из морской пены.

Его взгляд скользнул по её распущенным волосам, остановился на губах, затем снова встретился с её глазами. Под этим взглядом Забава невольно выпрямила спину. Он смотрел на неё так, будто видел не упавшую в дорожную слякоть девчонку, а кого-то... гораздо более опасного.

— А ты, — она сделала шаг ближе, перехватывая инициативу, — выглядишь так, будто точно знаешь, как избежать суда за наезд на пешехода.

Алексей коротко хмыкнул. Привычное высокомерие в его глазах сменилось живым, настоящим интересом.

— И ты определённо не ребёнок, — произнёс он, и голос его заметно сел.

— Благодарю, — она склонила голову с ироничной грацией. — Врач сказал, что всё в порядке. Никаких травм, так что жить я определённо буду.

Его ответная улыбка стала более откровенной, многообещающей. Забава встретила её прямым, долгим взглядом, наслаждаясь этой негласной игрой.

Они вышли из здания поликлиники и сели в машину. На этот раз Забава заняла переднее сиденье, аккуратно пристроив пострадавшую ногу. Алексей повернулся к ней, но заводить двигатель не спешил. Вместо этого он чуть склонил голову, изучая её профиль.

— Так сколько же тебе лет, прекрасная незнакомка?

— Двадцать шесть.

— Двадцать шесть, — повторил он, пробуя цифру на вкус. Его взгляд опустился к её цыпочкам (даже в туфле без каблука её ноги казались бесконечными) и снова поднялся к лицу. — А я думал, ты студентка... которая вот-вот опоздает на пару.

К щекам Забавы прилила кровь. Она привыкла к мужскому вниманию, но этот человек смотрел иначе. Он словно разгадывал сложную головоломку, проверяя её на прочность.

— Разочарован? — она подалась вперёд, улавливая ноты древесного парфюма. — Что ж, могу надеть очки и притвориться...

Алексей качнулся навстречу, сокращая расстояние до минимума. Забава забыла, как делать вдох.

— Куда отвезти? — тон его голоса не оставлял сомнений: за дежурным вопросом скрывается нечто большее.

Она посмотрела ему прямо в глаза, безошибочно читая в них откровенную заинтересованность.

— Ну, вообще-то я шла на собеседование в компанию «Дом», — гладко солгала она. Исповедоваться первому встречному в её планы не входило. — Но у судьбы, видимо, свой график. Решила подкинуть мне занятие поинтереснее — например, поездки по врачам с приятными незнакомцами. Так что теперь домой.

Алексей усмехнулся. Его пальцы мимолётно смахнули несуществующую пылинку с её колена — жест легкий, но почти собственнический.

— Я сорвал тебе собеседование? И на какую должность?

Голос звучал как дежурная вежливость, но Забава решила играть до конца.

— Помощник ГАПа — главного архитектора проектов. опыта маловато, так что объективно светило место младшего специалиста. Или вообще секретарское кресло.

— Почему?

— Сказали, профильных вакансий сейчас нет.

— С кем именно было назначено собеседование?

Сердце пропустило удар. Капкан захлопнулся: такие уточняющие вопросы задает только тот, кто знает структуру компании изнутри.

— Завтрак Галина Николаевна, — произнесла она, выуживая из памяти фамилию с салфетки Гребенкина.

— И она лично сказала, что вакансий нет?

— Есть, но не в архитектурном отделе.

— Ясно.

Он посмотрел на неё в упор. Забаве вдруг отчаянно захотелось, чтобы этот разговор не заканчивался.

— Странно, — задумчиво протянул он, изучая её лицо.

— Ничего странного. — Она облизала пересохшие губы. — Я владею тремя языками, а им сейчас требуются только секретари-переводчики.

Алексей бросил короткий взгляд на дорогие часы на запястье.

— Куда тебя отвезти?

Он повернул ключ, и под капотом сыто заурчал мотор. Вот и всё. Исторический центр Омска крошечный, до «Детского мира» — пара минут езды. Она назвала адрес, параллельно подыскивая повод не дать тишине повиснуть в салоне.

— Так ты тоже работаешь в этой компании? — бросила она пробный камень.

Мужчина был сосредоточен на дороге, но всё же коротко кивнул. Пять секунд назад Забава была уверена: между ними проскочила искра. Она ждала, что он вот-вот попросит её номер. А теперь в машине висело вежливое, почти отстраненное молчание. Не устраивать же ему прямой допрос: женат ли? Чьё кресло на заднем сиденье?

— А кем, если не секрет? — нарушила она тишину.

Вопрос ему явно не понравился. Алексей выдержал паузу, прежде чем ровно ответить:
— ГАПом.

Забава открыла рот, чтобы расспросить подробнее, но он перевел взгляд на заднее сиденье, где грязной кучей лежало её пальто.

— Позволь, я оплачу химчистку.

Она проследила за его взглядом и усмехнулась.

— Это светлый кашемир и уличная грязь. Его уже не спасти. Не стоит.

Машина плавно припарковалась у подъезда новой высотки из красного кирпича с тонированными синими стеклами. Забава потянулась к ручке двери, когда Алексей повернулся к ней. Двигатель он так и не заглушил.

— Прости, но я хочу это сделать. С самого первого момента, как увидел тебя.

Его взгляд опустился на её губы.

Забава сглотнула, чувствуя, как внутри всё сжимается от сладкого, тянущего предвкушения — чувства, которого она ещё не успела осознать, но желала каждой клеточкой тела. В этот момент пальцы Алексея — обжигающе горячие — коснулись её подбородка. Он осторожно, но властно притянул её к себе.

За миллиметр до губ он замер. Заглянул ей в глаза, и Забаву окатило жаром: в его потемневшем взгляде откровенно полыхала страсть. Это было обещание. Приглашение в ту запретную игру, которая случается лишь между мужчиной и женщиной, одержимыми одним желанием. Нужно было быть слепой, чтобы не прочесть в его глазах этот первобытный голод.

Едва уловимое движение — и их губы встретились.

Он целовал её бережно, намеренно сдерживая рвущийся наружу порыв, словно только знакомился с её вкусом. И этот дразнящий, «воспитанный» контроль сводил Забаву с ума, пробуждая внутри дикую волну азарта. Она выдохнула ему в губы, отвечая на поцелуй, чувствуя, как всё тело предательски трепещет в ожидании продолжения. Когда поцелуй прервался, внутри всё оборвалось от острого, щемящего чувства нехватки.

Алексей отстранился и вновь вальяжно откинулся на спинку водительского кресла.

— Я знаком с Галиной Николаевной. Она обязательно перезвонит тебе, Забава, — произнёс он.

Его потемневший взгляд ещё раз, почти осязаемо, скользнул по её влажным губам и поднялся к глазам, словно секунду назад ничего не произошло.

— Сегодня ты чуть не погибла. Я хочу компенсировать хотя бы вещи.

Его слова звучали настолько уверенно и отстраненно, что Забава потеряла остатки самообладания. В голове лихорадочно закружились вопросы: позвать на кофе? Расценит как прямой намёк на секс. Предложить пообедать вместе? А вдруг откажет? Осознавая, что, возможно, им предстоит работать в одной компании, Забава в досаде прикусила припухшую нижнюю губу. Она чувствовала полное бессилие: что бы она сейчас ни сказала, всё прозвучит двусмысленно и жалко.

— Хорошо, — наконец сдалась она.

— Дай мне номер своего счёта.

Она продиктовала цифры, натянула на лицо благодарную улыбку и выбралась из машины.

«Возможно, он всё-таки женат», — с уколом грусти подумала Забава, глядя вслед удаляющейся чёрной «Ауди». В душе бушевал настоящий шторм из противоречивых чувств. Искра между ними была очевидной. Насколько, что он готов за неё хлопотать и щедро платить. Но что-то его удержало. Иначе он попросил бы её номер телефона, а не номер банковской карты.

В сумочке коротко звякнул телефон. Забава замерла прямо на лестничной площадке. Открыла уведомление от банка, и цифры на светящемся экране слегка поплыли перед глазами.

Шестьдесят пять тысяч рублей.

За эти деньги в Омске можно было купить три хороших кашемировых пальто или спокойно жить целый месяц, не вспоминая о счетах. Она прижала ладонь к груди — сердце забилося с удвоенной силой, отзываясь горячим трепетом.

«Перевод от: Алексей Владимирович С.», — гласило сообщение.

— Алексей Владимирович, — прошептала она, пробуя его имя на вкус. Ну конечно. В памяти тут же всплыло, как почтительно суеились вокруг него медсестры, как реагировали на один его взгляд. Он не просто привлекательный мужчина. Это человек с властью и положением.

Забава медленно провела пальцем по экрану. Такой перевод был не просто щедрым жестом. Он был показательным. Это значило, что её новый знакомый занимает в компании «Дом» далеко не рядовую должность. И, скорее всего, он действительно холост — женатые мужчины редко с такой легкостью раскидываются подобными суммами на случайных попутчиц. На губах Забавы сама собой расцвела довольная улыбка.

Поднявшись на девятый этаж, она провернула ключ в замке и вошла в просторную светлую студию, которую ей одолжила знакомая Тимура. Утром, едва закинув сюда чемоданы, Забава успела лишь быстро принять душ перед встречей с Гребенкиным.

Теперь же можно было выдохнуть. Слишком много безумных событий уместилось в первую половину дня. Ей жизненно необходимо было сварить кофе, привести мысли в порядок и разложить всё по полочкам: и скользкую сделку в баре, и этот обжигающий поцелуй в машине Алексея Владимировича.

Глава 7

Поставив чайник на плиту, Забава прислонилась к кухонному гарнитуру, обводя взглядом чужую квартиру. Она готовилась к этой поездке несколько недель. Брат снабдил её всей необходимой информацией о компании и возможных уязвимостях в их проектах. Казалось, она предусмотрела всё — но стоило утром ступить на бетонные плиты омского аэропорта, как привычную уверенность сменил лёгкий мандраж.

Город встретил её промозглым сибирским ветром и непривычными пейзажами. По дороге из аэропорта Забава жадно разглядывала улицы, по которым когда-то ходили её предки. «Если подпишусь на авантюру Гребенкина, будет время изучить здесь всё», — подумала она тогда.

Хорошо хоть, бытовой вопрос Тимур решил блестяще, просто всучив ей ключи от квартиры своей некой «хорошей знакомой».

Дом оказался дорогой новостройкой в самом центре: шлагбаум на въезде, ряд блестящих иномарок у подъезда, вылизанные дворниками дорожки.

Она вспомнила, как утром открыла дверь и замерла на пороге. Огромная студия, дорогая мебель, панорамные окна, из которых открывался вид на серый, просыпающийся город. Повсюду читался холодный, выверенный дизайнерский вкус. Сразу было ясно, что владелица квартиры явно не привыкла считать деньги до зарплаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.